

К 100-летию РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.

© 2017 г.

Б.Н. МИРОНОВ

РАБОЧИЕ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: СУБЪЕКТ ИСТОРИИ ИЛИ ПУШЕЧНОЕ МЯСО?

МИРОНОВ Борис Николаевич – профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург, Россия (bmironov@mail.wplus.net).

Аннотация. По мнению автора, российские рабочие к 1917 г. не сформировались в класс и не обладали пролетарским мировоззрением, не отличались организованностью и сознательностью. Они были неблагополучной, маргинальной, фрустрированной и криминогенной социальной группой населения имперской России, склонной к радикализму, агрессии, девиации и манипулированию. В этом состояла главная причина их повышенной революционности. Радикализм и агрессивность пролетариев нашли отклик в социал-демократической программе – самой радикальной из всех политических программ 1917 г. Простые и понятные лозунги, умелая пропаганда обеспечили успех большевикам в рабочей среде, а их интенсивная умелая организационная работа позволила мобилизовать пролетариат и направить его энергию в нужное русло – использовать как таран и пушечное мясо революции.

Ключевые слова: революция 1917 г. • рабочее движение • рабочий класс • демографическая структура • культурный уровень • маргинальность • фрустрированность • когнитивное развитие рабочих

Согласно марксистской концепции, рабочий класс представлял главную революционную силу благодаря имманентно присущим ему организованности и дисциплине, духу коллективизма и солидарности, способности к сплоченным действиям и самое главное – благодаря пролетарскому классовому самосознанию, под которым имелось в виду понимание и усвоение символа социалистической веры. Истинный пролетарий должен иметь представление о том, что такое капитализм и социализм, буржуазная и социалистическая революции и как построить социализм. Он также должен осознавать свою ведущую роль в разрушении капитализма и построении социализма, ощущать себя авангардом и гегемоном. В соответствии с нормативной концепцией советской историографии формирование российского пролетариата как класса в основном завершилось в 1880-е гг. Соответственно к этому время сформировалось в основном и пролетарское классовое сознание, поскольку оно являлось главным критерием для превращения пролетариев в рабочий класс. К 1917 г. российские рабочие были готовы к проведению социалистической революции. Именно поэтому они приняли самое активное участие в революционном движении 1917 г. Для постсоветской историографии проблема рабочего движения потеряла актуальность. В немногочисленных опубликованных исследованиях выводы советской историографии подверглись

незначительной ревизии – время классовой зрелости перенесли к периоду Первой мировой войны [Пушкарева, 2007; 2015; Трудовые конфликты, 2011: 5–16, 433–446].

В зарубежной историографии единства взглядов на российский рабочий класс не было и нет. Одна влиятельная школа социальной истории рабочего класса считала, что формирование российского пролетариата как класса в основном завершилось к 1917 г., и значительное число рабочих обладали пролетарским самосознанием. Представители школы признавали закономерность революции в рамках модернизации; ее движущей силой считая рабочих и солдат, а не большевиков (см.: [Актон, 2014: 22–34; Большакова, 2009: 6–32; Соболев, 1979; Розенберг, 2014: 35–51; Фогт, 1990: 24–46; Perrie, 1987: 431–446; Ragsdale, 2003: 323–372; Smith, 1994: 563–578; Suny, 1994: 165–182]).

В статье аргументируется точка зрения, что к 1917 г. российские пролетарии ни с объективной, ни с субъективной стороны не превратились в рабочий класс в марксистском смысле; в огромном большинстве они не осознавали себя как единое целое, не обладали социалистическим мировоззрением, не имели специфических целей и интересов и не претендовали на руководящую роль в революционном движении. Для превращения пролетариата в класс отсутствовали объективные предпосылки. Накануне революции 1917 г. процент потомственных кадровых рабочих в фабрично-заводской промышленности в целом по стране был менее 50. Даже в 1929 г., за который мы имеем самые полные данные, доля кадровых рабочих во всей промышленности составляла 52% [Рабочий класс, 1989: 285–303; Рабочий класс России, 1982: 73–76; Труд в СССР, 1930: 28–29]. Свыше трети рабочих имели в деревне свою землю или землю своей семьи; многие из них вели свое хозяйство (подсчитано по: [Фабрично-заводская промышленность, 1926; Статистический ежегодник, 1922: 64–65]). Те, кто с деревней порвали, сохранили крестьянскую закваску. Значительное число рабочих происходило из мещанства и других сословных групп. Большинство их одной ногой стояли в городе и промышленности, другой – в деревне и сельском хозяйстве.

Пролетариат как социальная группа отличался многослойной структурой. В сознании рабочих вполне уживались амбивалентные взгляды и мотивы. Поддержав революционное выступление, они могли вслед за этим принять участие в погроме. В 1914 г. в культурно-бытовом отношении, с точки зрения форм проведения досуга и потребления культурной продукции, рабочие вместе с мещанством и городским крестьянством составляли “низшие слои городского населения” [Рабочие и интеллигенция, 1997: 380, 382, 393, 427–428]. Их политические представления отличались пестротой. Ввиду этого пролетариев легко было ввести в любой дискурс и завлечь в любую партию, что в действительности и происходило. С ними сотрудничали и конкурировали за их голоса праворадикальные, либеральные, социал-демократические и эсеровские партии и христианские организации [Рабочие и интеллигенция, 1997: 340–366; 371–378].

Историки, считавшие рабочих авангардом, приводили отдельные примеры сознательных, “интеллигентных” и социалистически ориентированных рабочих. Последних отличали приверженность к умственным занятиям в свободное от основной работы время, интерес к политической литературе, “сознательное отношение к общественным вопросам”, особый образ жизни. Их оппоненты привели массу примеров забитых, отсталых, невежественных, патриархальных, плохо организованных, политически индифферентных рабочих, повально занимавшихся воровством фабричного имущества [Рабочие и интеллигенция, 1997: 59], склонных к алкоголю, анархическим бунтам, к безначалию, беспорядку и хаосу. И те, и другие были правы в том смысле, что рабочие были разными. Плохо и неверно, когда характеристики, более или менее адекватные для “передовых” рабочих, которых насчитывалось единицы, распространялись на всех рабочих. Да и степень подготовленности “передовых” рабочих не следует преувеличивать. Например, в “Рабочей организации” Петербурга в 1902–1903 гг. к каждому рабочему, который руководил своей группой, из-за неспособности вести агитационно-пропагандистскую работу был приставлен интеллигент-депутат, который фактически и направлял ее деятельность [Рабочие и интеллигенция, 1997: 594–595].

Преобладающая часть рабочих не осознавала себя не только особым классом, но даже специфической сословной группой. В конце XIX – начале XX в. в одной из самых развитых в промышленном отношении Московской, а также в Смоленской губерниях, менее процента из 109 тыс. обследованных рабочих были идентифицированы земскими статистиками, врачами и самими рабочими как “рабочие”. Остальные идентифицировались по сословной принадлежности так – крестьяне, солдаты, мещане, дворяне, духовенство, питомцы воспитательных домов, цеховые, почетные граждане, кантониисты, иностранцы, купцы и т.п. [Миронов, 2014: 416]. Основываясь на социальной самоидентификации и перекрестной идентификации, полагаю, этих пролетариев нельзя считать рабочим классом в марксистском смысле.

За исключением профессиональных революционеров-социал-демократов, представления рабочих по вопросу *символа социалистической веры* были смутными и неопределенными. Выводы научного социализма им были чужды и непонятны. П.А. Дурново, министр внутренних дел в 1905–1906 гг., основываясь на сведениях полиции, утверждал, что народные массы исповедуют принципы “бессознательного социализма” – даровое наделение чужой землей крестьян и даровая передача всего капитала и прибыли фабрикантов рабочим. Чаще всего социализм представлялся пролетариям как “Царствие Божие на земле”, “земной рай”, “светлое будущее” или просто как хорошая и счастливая жизнь [Рабочие и интеллигенция, 1997: 236–253]. Конкретный рабочий, участвовавший в стачках начала XX в., “в понятия, которые формулировали лидеры партий, часто вкладывал другой смысл. Словом “революция” были воодушевлены небольшое число рабочих-активистов. Смутное представление у толп народа имелось о таких понятиях как “социализм”, “социалистическое общество”. Большинство вовлеченных в вихрь революции 1917 г. не вдумывалось в содержание речей о демократических свободах, о достойных, правовых отношениях в сфере труда. В призывах “Долой самодержавие!”, однозначно понимаемом революционными партиями, у определенной (и немалой!) части рабочих виделось не столько разрушительное, сколько созидательное начало, означавшее просто изменение порядков в обществе, соблюдение местной властью законного порядка вещей для сносных условий жизни” [Пушкарева, 2011: 430]. Так же мыслили передовые рабочие из агитационно-пропагандистского романа М. Горького “Мать”.

Даже в столице, где концентрировались самые “передовые рабочие”, подавляющее их большинство не обладало социалистическим мировоззрением и накануне февральских событий 1917 г. Что говорить о провинции?! Мировоззрение за несколько месяцев не меняется, поэтому их отзывчивость на социалистическую пропаганду, замеченная после февраля 1917 г. [McKean, 1990: 3], свидетельствует лишь об изменении не кредо, а настроений. Терминология революции была непонятным иностранным словом для всех “простых людей”, не обремененных хорошим систематическим образованием [Figes, 1998: 76; Палеолог, 1923: 447].

Подойдем к проблеме мировоззрения рабочих с психологической стороны. А могли ли российские рабочие начала XX в. в принципе сознательно обладать классовым пролетарским сознанием? Предполагаю, что нет. Для понимания столь сложной интеллектуальной конструкции, как социалистический символ веры, необходимо владеть абстрактным, или понятийным мышлением, т.е. способностью к формированию отвлеченных, опосредованных, не наглядных, чисто мысленных представлений о предметах, в которых обобщены основные свойства конкретных вещей, умением переводить информацию о реальных объектах в символы, манипулировать этими символами, находить решение и применять на практике. Неграмотный или малограмотный рабочий не владел абстрактным мышлением, поскольку оно вырабатывается в ходе продолжительного и систематического школьного обучения.

Известный швейцарский психолог Ж. Пиаже (1896–1980) считает, что человек в своем когнитивном развитии проходит четыре качественно различные стадии, они последовательно сменяют друг друга и каждая из них опирается на достижения

предыдущих [Пиаже, 1992: 232–292]: 1) сенсомоторная в возрасте от рождения до 18 месяцев; 2) дооперационная в возрасте от 18 месяцев до 5 лет; 3) конкретных операций в возрасте 6–11 лет; 4) формальных операций в возрасте от 12 до 15 лет. Только на четвертой стадии индивид овладевает абстрактным мышлением, благодаря чему может размышлять не только о наличных, но и о гипотетических ситуациях – что могло бы быть. Однако четвертая стадия когнитивного развития человека появляется не стихийно, а в результате продолжительного и систематического школьного обучения. Она вовсе не появляется или появляется в ограниченной, менее общей форме у людей бесписьменных культур, в медленно развивающихся традиционных обществах и у неграмотных и малограмотных индивидов письменных цивилизаций. Например, в США конца XX в. до 30% людей никогда не достигают стадии формальных операций [Масионис, 2004: 176].

В начале XX в. образованные люди, имевшие дело с рабочими и крестьянами, отмечали конкретно-образный стиль их мышления, низкую способность к обобщениям и абстрактному мышлению. Нередко революционеры пользовались и злоупотребляли этим, включая в прошения, петиции и указы рабочих, солдат и крестьян политические требования, которые “подписанты” либо вовсе не понимали, либо не видели в них политического революционного характера. Например, в петиции 9 января 1905 г., с которой петербургские рабочие шли к царю, Г. А. Гапон под давлением социал-демократов и эсеров без проблем включил политические требования, в принципе исключавшие саму возможность принятия петиции царем – созыв Учредительного собрания, политические свободы, отделение церкви от государства и другие [Рабочие и интеллигенция, 1997: 530–541].

Пролетарии, как и представители низших социальных слоев населения, понимали самодержавие как произвол администрации, а не как государственное устройство; их патриотизм воплощался не в абстрактном идеале русской нации или российского государства, а в конкретном понимании “родины” как родного и знакомого места, по которому они испытывали ностальгические чувства, что проявилось в энтузиазме начала Первой мировой войны [Рабочие и интеллигенция, 1997: 457].

Поскольку фундаментальная психологическая причина отсутствия социалистического мировоззрения у рабочих состояла в особенностях когнитивных процессов неграмотных или малограмотных людей, долю передовых рабочих, теоретически способных понимать символ социалистической веры и осознавать свое высокое предназначение как авангарда, субъекта революционной борьбы можно приблизительно оценить по данным об образовании рабочих. Если бы лица со средним и высшим образованием распределялись среди различных профессий равномерно и пропорционально численности данной профессии, то среди рабочих их доля была бы не больше, чем в среднем по России – 1,6% в 1897 г. и 4% в 1917 г. [Миронов, 2012: 587]. Но люди со средним и высшим образованием крайне редко попадали в ряды рабочих, исключительно как деклассированные элементы. В 1897 г. доля грамотных среди рабочих составляла 58%, среди работниц – 27% [Численность и состав рабочих, 1906: 1–5X, а у крестьян – соответственно 39% и 13% и 13,3% [Общий свод, 1905, т. 1: 16–22, 64–67]. К 1918 г. процент грамотных рабочих повысился среди мужчин до 79%, среди женщин – до 44% [подсчитано по: Всероссийская промышленная и профессиональная перепись, 1926].

“Передовые” рабочие имели в лучшем случае начальное образование. Немногие из них путем настойчивого самообразования могли поднять свой культурный уровень на более высокую ступень. Следовательно, доля “передовых” рабочих была много ниже того процента людей с законченным и незаконченным средним и высшим образованием, который был достигнут всем населением страны – повторю: 1,6% в 1897 г. и 4% в 1917 г. *При таком низком интеллектуальном потенциале пролетариат не мог выполнять миссию, предназначенную ему марксизмом, – быть авангардом и гегемоном всех трудящихся.* В то же время рабочие охотно участвовали в революционном

движении на ролях массовки или иногда выполняли, как говорят в театре, эпизодические роли третьего плана. Участие в революции акторами массовок де факто делало их марионетками в руках политических авантюристов, а, в случае если революция перерастала в вооруженное восстание или в гражданскую войну, – в пушечное мясо.

Роль массовки или марионеток была уготована пролетариям, в значительной мере даже предрешена, уровнем их когнитивного развития – тем, что неграмотные и малообразованные люди легко поддаются внушению и манипулированию, так как они слушают скорее сердцем, чем умом. Прекрасный пример находим в романе М. Горького “Мать” в лице Пелагеи Власовой, полуграмотной женщины, включившейся в рабочее движение из-за любви к сыну и смутной мечты о справедливости на земле. Спротивляемость людей убеждающим призывам тем ниже, чем менее они образованы, чем меньше их представления опираются на знания. Они не умеют выдвигать контраргументы, что делает их уязвимыми для манипулирования. Податливость влиянию усиливается тогда, когда происходят быстрые и радикальные изменения в окружающей обстановке и люди испытывают личный кризис убеждений. Находясь в толпе, человек особенно подвержен внушению и манипулированию, так как у него меняется протекание психических процессов, основными регуляторами поведения становятся инстинкты [Зимбардо, Ляйпе, 2000: 248, 249, 251, 264]. Под влиянием перечисленных факторов общество малограмотных людей легко поддается воздействию пропаганды, агитации и пиару, что создает реальную возможность для манипулирования их поведением. Это классически проявилось во время революций 1917 г., как засвидетельствовали внимательные образованные современники. Один из них, М. Палеолог, французский посол в России, сделал в своих воспоминаниях на этот счет интересные заметки, касающихся первых дней после февральского переворота 1917 г.

Вот некоторые из них. “Восемь десятых населения России не умеют ни читать, ни писать (Палеолог полагается на данные Всероссийской переписи 1897 г., зафиксировавшей 21% грамотных. – Б.М.), что делает публику собраний и митингов тем более чувствительной к престижу слова, тем более покорной влиянию вожаков. <...> Достаточно немного проникнуть в сознание (русского народа. – Б.М.), чтобы открыть в нем неопределенную, смутную, сентиментальную и мечтательную веру, очень бедную элементами интеллектуальными и богословскими, всегда готовую раствориться в сектантском анархизме. <...> Анархия наслаждение для русского. <...> С тех пор, как началась революционная драма, не проходит дня, который не был бы отмечен церемониями, процессиями, представлениями, шествиями. Это – непрерывный ряд манифестаций: торжественных, протеста, поминальных, освячительных, испупительных, погребальных и пр. (это наблюдалось по всей стране. – Б.М.). <...> Повсюду митинги на открытом воздухе или, лучше, на открытом ветре. Группы немногочисленны: двадцать, самое большее тридцать человек, – солдаты, крестьяне, рабочие, студенты. Один из них взбирается на тумбу, на скамью, на кучу снега и говорит без конца с размашистыми жестами. Все присутствующие впиваются глазами в оратора и слушают с каким-то благоговением. Лишь только он кончил, его заменяет другой, и этого слушают с таким же страстным, безмолвным и сосредоточенным вниманием” [Палеолог, 1923: 374, 382, 406–407, 447].

Почему роль кукловода досталась большевикам? Рабочие, как малограмотные и неграмотные люди, к тому же воспитанные в авторитарно-патриархальной семье, испытывали потребность в руководстве, покровительстве и патернализме [Миронов, 2014: 686–719, 750–752; Миронов, 2015а: 185–200]. Все партии претендовали на руководство в среде рабочих, хотели управлять ими и политически мобилизовать для реализации своих политических целей [Рабочие и интеллигенция, 1997: 288–303, 415, 435]. Благодаря конкуренции партий за пролетариев, последние получили возможность политического выбора между партиями. Однако в конце концов роль руководителя досталась большевикам по нескольким причинам.

Во-первых, социалистическая программа по своим целям и средствам их достижения соответствовала представлениям рабочих о справедливой жизни и предлагавшихся с этой целью средствах. Ее принципиальные пункты в 1917 г. включали насильственную экспроприацию собственности и передачу ее рабочим, введение рабочего контроля и передачу власти советам. Эти требования были рождены отнюдь не пролетарским сознанием рабочих. Они отражали парадигмы крестьянского массового сознания, адаптировали к новым городским условиям принципы, на которых строилась жизнь сельской передельной общины: в требовании насильственной экспроприации, с одной стороны, отражалось убеждение крестьян, что если не собственность, то уж, во всяком случае, богатство есть кража [Латынина, 1993: 427–444], с другой – проявлялось крестьянское обычное право, допускавшее самосуд над ворами. В требовании рабочего контроля легко просматривается многовековая практика контроля общины над хозяйственной деятельностью ее членов. В требовании ввести советы слышится желание ввести самоуправление наподобие крестьянского общинного самоуправления, во главе которого много веков стоял крестьянский сход. Неслучайно рабочий контроль как подготовительный этап к экспроприации заводов и фабрик и советы как форма политической организации пролетариев были придуманы самими ими [Черняев, 1994: 164–177]. Как известно, в русской деревне земля принадлежала общине, и все ее члены пользовались ею на равных основаниях; производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян; всей жизнью крестьян руководил сельский сход. Сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после Столыпинской реформы – “черный передел”, то есть экспроприация всех частновладельческих земель – и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян – в пользу крестьянской общины [Байрау, 1992: 19–32].

Во-вторых, только большевики сознательно и заблаговременно учились, как с помощью специальной “революционной техники” квалифицированно манипулировать массами, знали, чего они хотят и твердо шли к поставленной цели. Умелое использование “революционной технологии” позволило им взять под контроль Советы, фабзавкомы и профсоюзы. Большевизация масс к осени 1917 г. – результат манипулирования [Hook, 1975: 87–88; Кеер, 1976: 469–470; Laue, 1964: 127; Соболев, 1979: 186–191]. Только большевики готовили рабочих на роль профессиональных революционеров в специальных партийных школах за границей [Рабочие и интеллигенция, 1997: 542–555]. А их лидер тщательно штудировал литературу о том, как побеждать на войне и как захватывать власть. Большевики выпустили подавляющую часть революционных листовок, которые “формировали авторитарно-революционное мышление, влияя в совершенно определенном направлении на менталитет “униженных и оскорбленных”. Оно (авторитарно-революционное мышление. – Б.М.) порождало в народе и жажду реванша, прежде всего ненависть, злобу, зависть к “богатеям”, близко стоявшим к рабочим в повседневной жизни хозяевам промышленного производства, представителям фабрично-заводской администрации, а также раздражение в адрес царской бюрократии. Революционная агитация будила не только возвышенные, но и низменные чувства, весьма далекие от идеалов построения общества, основанного на подлинной демократии (даже в самом вольном её понимании). Революционная агитация, усиливаемая в целом государственным равнодушием к “рабочему вопросу”, фактически вела и к малым внутренним войнам и к большой гражданской войне – к революции. В подлинное сознание рабочих закладывалось двойственное, не совсем внятное, отношение к терпору” [Трудовые конфликты, 2011: 444–445].

Несмотря на отсутствие классового сознания, рабочие приняли самое активное участие в революции 1917 г., хотя и в роли массовки. Заслуживает также внимания, что при этом они проявили повышенный радикализм и агрессивность. Чем это можно объяснить? Кроме социально-экономических причин [Миронов, 2013: 189–202], три

дополнительных фактора помогают это понять: гендерный, возрастной и семейный дисбаланс в рабочем населении, относительная депривация и фрустрированность.

В конце XIX – начале XX в. рабочие имели неблагоприятный половозрастной и семейный состав, что повлекло за собой в дальнейшем очень серьезные последствия. Как известно, сбалансированная возрастная структура, когда представлены все возрастные группы в естественной пропорции, позволяет старшему поколению защищать и помогать молодежи, передавать ей жизненный опыт и одновременно держать ее под контролем. Важная роль в социуме принадлежит семье, которая позволяет удовлетворять сексуальную потребность, воспитывает, дисциплинирует и осуществляет социальный контроль, дает взаимную эмоциональную, моральную и материальную поддержку, спасает от одиночества, обеспечивает домашними уютом и услугами, помогает отдохнуть и организовать досуг, заботится о больных, детях и пожилых, поддерживает здоровье. Люди, живущие в семье, меньше болеют, дольше живут, менее подвержены алкоголизму, реже совершают самоубийства и преступления, имеют более высокий достаток сравнительно с одиночками. Словом, семья обеспечивает более комфортабельные условия жизни [Каминский, 1987: 229–238]. С этой точки зрения российские рабочие в конце XIX – начале XX в. находились в крайне неблагоприятном положении.

Под влиянием разнообразных социальных, экономических и бытовых факторов среди пролетариев женщин насчитывалось почти в 6 раз меньше, чем мужчин. Положение усугублялось тем, что и в городском населении в целом мужчины превосходили женщин по численности, в крупных городах – на 10–14 процентных пунктов. Возрастной профиль был нарушен в пользу молодежи (рабочих в возрасте 17–29 лет было в 2,6 раза больше, а в возрасте 15–24 лет в 2,3 раза больше, чем среди крестьян). В пролетариате существовал так называемый “молодежный бугор”, рассматриваемый некоторыми социологами как предпосылка революционных выступлений. В то же время среди рабочих насчитывалось в 2,7 раза меньше детей и подростков и в 5,3 раза меньше пожилых и стариков (последние уходили доживать и умирать в деревню), чем среди крестьян. Процент состоящих в браке у рабочих был в 1,2 раза меньше, у работниц – в 1,8 раза меньше, чем у крестьян, зато доля холостых и незамужних – в 2 раза больше. На 1914 г. в составе промышленных рабочих мы находим около 1 млн. молодых одиноких мужчин и около полумиллиона одиноких молодых женщин, в ситуации дисбаланса полов сексуально озабоченных, раздраженных и неудовлетворенных жизнью уже только потому, что в стране, где так ценились семья и дети, многие из них были лишены и того и другого. При этом по грамотности они в 2 раза превосходили крестьян.

Налицо реальная относительная депривация: кругозор рабочих выше, потребности – больше, а условия жизни – хуже. Эта ненормальная, с точки зрения рабочих, ситуация сложилась в силу социально-экономических обстоятельств, вызванных быстрой модернизацией страны. Как показал мировой опыт, в модернизации, даже успешной, заключено множество подводных камней, проблем и опасностей для социума. Она требует больших издержек и даже жертв, ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и не приносит равномерного благополучия сразу и всем [Миронов, 2013: 192–202].

В ситуации реальной невозможности удовлетворения фундаментальных потребностей у человека рождается конфликтное отрицательно-эмоциональное состояние – недовольство, разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние – то, что называется в психологии **фрустрацией**, которая часто находит проявление в агрессивном поведении, направленном против действительного или мнимого его источника. Фрустрированные люди легко вовлекаются в политические движения протестного характера, становясь легкой добычей разных политических и религиозных пророков, сочувствующих им и обещающих быстрое изменение жизни к лучшему, если они будут следовать их принципам и призывам [Миронов, 2014: 407–442]. Не случайно главной

социальной базой и подспудно нараставшего в России анархизма являлись фабричные рабочие, деклассированные личности, люмпен-пролетариат, “босьяки”, безработные и незрелая молодежь. Например, в период Первой русской революции средний возраст анархистов составлял 18–24 года, образование – не выше начального [Орцова, 2008: 134–164].

О фрустрированности рабочих красноречиво говорит и активное участие в забастовочном движении [Миронов 2012: 617–620], и низкий уровень дисциплины на предприятиях [Миронов, 2015b: 453–460], и высокая криминогенность (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении). В начале XX в., с точки зрения криминогенности рабочие находились на первом месте, крестьяне-землепашцы, проживавшие в деревне, – на последнем. На долю 5,2 млн. рабочих, составлявших 4% населения, приходилось около 30% всех осужденных [Распределение рабочих, 1905: V; Миронов, 2015a: 133–134]. Рабочие, подавляющее число которых по сословной принадлежности являлись крестьянами, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в общине, что в значительной степени объяснялось фрустрированностью и маргинальностью их положения. Очень трудно было отличить хулиганов от рабочих во время забастовок и демонстраций в 1905–1906 г. и в 1912–1914 г. [Neuberger, 1993].

М. Горький метко охарактеризовал рабочих начала XX в. в романе “Мать”: “... Встречаясь друг с другом, говорили о фабрике, о машинах, ругали мастеров, – говорили и думали только о том, что связано с работой. Одинокое искры неумелой, бессильной мысли едва мерцали в скучном однообразии дней [...] Истомленные трудом люди пьянели быстро, во всех грудях пробуждалось непонятное, болезненное раздражение. Оно требовало выхода. И, цепко хватаясь за каждую возможность разрядить это тревожное чувство, люди из-за пустяков бросались друг на друга с озлоблением зверей. Возникали кровавые драки. Порою они кончались тяжкими увечьями, изредка – убийством. В отношениях людей всего больше было чувства подстерегающей злобы, оно было такое же застарелое, как и неизлечимая усталость мускулов. Люди рождались с этой болезнью души, наследуя ее от отцов, и она черною тенью сопровождала их до могилы, побуждая в течение жизни к ряду поступков, отвратительных своей бесцельной жестокостью” [Горький, 1989: 6].

Относительная депривация хорошо объясняет рост протестных движений пролетариев в пореформенной России и особенно в период Первой мировой войны, когда депривация стала двойной, или прогрессирующей, –относительно претензий и относительно довоенного положения. Растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в конечную победу, что оказалось особенно болезненным. Здесь мы встречаемся с примером, идеально подходящим под теорию революции “J-кривая” Дж. Дэвиса [Davies, 1971].

Подведу итоги. Российские рабочие к 1917 г. не сформировались в класс и не обладали пролетарским социалистическим мировоззрением. Они приняли самое активное участие в революционном движении и в свержении монархии по причине фрустрированности, относительной депривации, неблагоприятной демографической структуры, податливости пропаганде и манипуляции, а не в силу своей революционности, организованности и сознательности. Сами большевики не обольщались на этот счет. В.И. Ленин писал в 1917 г.: “Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть, очень короткое время застрельщиком революционно-го пролетариата всего мира” [Ленин, 1962: С. 91].

Вследствие предрасположенными рабочих к радикализму и агрессивности именно социал-демократическая программа – самая радикальная и активистская из всех политических программ, нашла у них отклик. Простые и понятные

лозунги (“Долой самодержавие”, “Долой буржуев”, “Долой Временное правительство”, “Земля крестьянам, фабрики рабочим, мир народам” и т.п.), умелая пропаганда, большая налаженная организационная работа позволила им мобилизовать пролетариат и **использовать как пушечное мясо революции**, а потом и Гражданской войны.

Количество жертв собственно революционного насилия в 1917 г. только в Петрограде составило 1315 человек “убитыми, ранеными и ушибленными” [Мартынов, 2003: 222]. Однако это число меркнет перед людскими потерями в 1918–1922 гг. (вследствие гибели военных на войне, террора, избыточной смертности по причине эпидемий), которые оцениваются в интервале от 14 до 21 млн. человек [Демографическая модернизация, 2006: 399–406; Исупов, 2000: 61–68]. Число рабочих в этих потерях сравнительно с крестьянством не велико. Однако *процент потерь* среди рабочих был намного больше, чем процент потерь среди крестьян и населения в целом. Численность населения России (в границах 1930 г.) с 1918 г. по 1922 г. уменьшилась с 140,9 млн. до 133,9 млн. – на 7 млн. или на 5,2%, а численность рабочих ценовой промышленности – с 2 млн. до 1,2 млн. – на 0,8 млн. или на 40% [Исупов, 2000: 58; История социалистической экономики, 1976а: С. 223; 1976б: С. 262–263, 354]. Как видим, от “приступа революционной лихорадки” пролетариат пострадал особенно серьезно, служа тараном, с помощью которого другие решали свои политические задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Актон Э. Революция и ее историки: “Критический словарь” в контексте // Критический словарь Русской революции. 1914–1921 гг. / Э. Актон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев (сост.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 22–34.
- Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19–32.
- Большакова О.В. Русская революция глазами трех поколений американских историков // 1917 год. Россия революционная / В.М. Шевырин (ред). 2-е изд. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 6–32.
- Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Вып.1–2. Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг. М.: ЦСУ, 1926.
- Горький М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Советская Россия, 1989. Т. 5.
- Демографическая модернизация России 1900–2000 / А.Г. Вишневский (ред.). М.: Новое издательство, 2006.
- Зимбардо Ф., Ляйпе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000.
- История социалистической экономики СССР: в 7 т. / И.А. Гладков (отв. ред.). Т. 1. М.: Наука, 1976а.
- История социалистической экономики СССР: в 7 т. / И.А. Гладков (отв. ред.). Т. 2. М.: Наука, 1976б.
- Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
- Каминский Л.С. Смертность и семейное состояние населения // Советская демография за 70 лет: из истории науки / Т.В. Рябушкин (ред.). М.: Наука, 1987. С. 229–238.
- Латынина Ю. Собственность есть кража? // Русская философия собственности: XVIII – XX вв. / К. Исупов, И. Савкин (ред.). СПб.: изд-во “Ганза”, 1993. С. 427–444.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5–е изд.: В 55 т. М.: Политиздат, 1962. Т. 31.
- Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль, 2003.
- Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004.
- Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М.: Весь мир, 2012.
- Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2014.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: Дм. Буланин, 2015а.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дм. Буланин, 2015б.
- Общий свод по империи результатов разработки первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: В 2 т. / Тройницкий Н. (ред). СПб.: Н.Л. Ныркин, 1905. Т. 1.

- Орчакова Л. Г. Анархисты в политической жизни России (1903–1928 гг.): Дис. ... докт. ист. наук. М.: МГПУ, 2008.
- Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.; Пг.: Госиздат, 1923 г.
- Пиже Ж. Теория Пиже. // История зарубежной психологии (30-е – 60-е гг. XX в.). Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 232–292.
- Пушкарева И. М. Возвращение к забытой теме: Массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 101–120.
- Пушкарева И. М. Рабочее движение в России в годы Первой мировой войны (историографические заметки) // Российская история. 2015. № 3. С. 90–105.
- Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861—февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997.
- Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. / Ю. И. Кирьянов, М. С. Волин (ред.). 2-е изд. М.: Наука, 1989.
- Рабочий класс России, 1907—февраль 1917 г. / С. С. Хромов (ред.). М.: Наука, 1982.
- Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. / В. В. Степанов (ред.). СПб.: Н. Л. Ныркин, 1905.
- Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. СПб.: Азбука, 2001.
- Розенберг У. Г. Интерпретируя Русскую революцию // Критический словарь Русской революции. 1914–1921 гг. / Э. Акстон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев (сост.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 35–51.
- Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии, 1917–1970-е годы. Л.: Наука, 1979.
- Статистический ежегодник, 1918–1920 гг.: в 2 вып. / Б. В. Авиллов (ред.). М., 1922. Вып. 1, ч. 1. II. Фабрично-заводская промышленность в 1918 г.
- Труд в СССР, 1926–1930: справ. / Я. М. Бинеман (ред.). М., 1930.
- Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX – XX веков / И. М. Пушкарева (ред.). СПб.: Алетей, 2011.
- Фогт Г. Новые аспекты немарксистской литературы об Октябрьской революции // История СССР в современной западной немарксистской историографии: Критический анализ / А. Н. Сахаров (ред.). М.: Наука, 1990. С. 24–46.
- Черняев В. Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития в 1917 г. // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. С. И. Потолов (ред.). СПб.: Глаголь, 1994. С. 164–177.
- Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: в 2 т. / В. В. Степанов (ред.). СПб.: Н. Л. Ныркин, 1906. Т. 1.
- Davies J. C. When Men Revolt and Why. New York: Free Press, 1971.
- Figes O. A. People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York: Penguin Books, 1998.
- Hook S. Revolution, Reform and Social Justice: Studies in the Theory and Practice of Marxism. New York: New York University Press, 1975.
- Keep J. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York: W. W. Norton & Co., 1976.
- Laue Th. H. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1964.
- McKean R. B. Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907–February 1917. New Haven, London: Yale University Press, 1990.
- Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley: University of California Press, 1993. Epilogue.
- Perrie M. Review: The Russian Working Class, 1905–1917 // Theory and Society. Vol. 16, No. 3 (May, 1987). P. 431–446.
- Ragsdale H. Comparative Historiography of the Social History of Revolutions: English, French, and Russian // Journal of the Historical Society. 2003. Vol. 3, Issue 3–4. June. P. 323–372.
- Smith S. Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // Europe-Asia Studies. Vol. 46. No. 4. 1994. P. 563–578.
- Suny R. G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // Russian Review. Vol. 53. April 1994. P. 165–182.

RUSSIAN WORKERS THE 1917 REVOLUTION: THE SUBJECT OF THE HISTORY OR CANNON FODDER?

MIRONOV B.N.,

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Russia

Boris N. MIRONOV, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; Chief Researcher, Saint-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia (bmironov@mail.wplus.net)

Abstract. According to the author, Russian workers before 1917 did not form a class and did not possess a proletarian socialist ideology. They took an active part in the revolutionary movement and in the overthrow of the monarchy, but not because of their revolutionary character, their organization, or their awareness. Main reason for their increased revolutionism was the fact that they were semiliterate, the most demographically disadvantaged, the most marginal, and the most frustrated and criminogenic social group of the Imperial Russian population, and they were prone for these reasons to radicalism, aggressiveness, deviation, and manipulation. The radicalism and aggressiveness of the proletariat was echoed in the Social-Democratic program, the most radical and aggressive of all the political programs. Simple and understandable slogans and skillful propaganda ensured the success of the Bolsheviks in the proletarian context, and their large-scale, skilled organizational work allowed them to mobilize the proletariat and direct its energy into the necessary channels – for use as cannon fodder for the revolution.

Key words: Russian Revolution of 1917, working class, cultural level, the labor movement, manipulation of workers, marginality, frustration, human cognitive development, Jean Piaget, Bolsheviks

REFERENCES

- Akton E. (2014) *Revolutsiya i ee istoriki: "Kriticheskii slovar'" v kontekste* [The revolution and its historians: "Critical dictionary" in the context]. In: Akton E., Rozenberg U.G., Chernyaev V. Yu. (eds.). *Kriticheskii slovar' Russkoi revolyutsii. 1914–1921 gg.* [A critical dictionary of the Russian revolution. 1914–1921]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. P. 22–34. (In Russ.).
- Avilov B.V. (ed.). (1922) *Statisticheskii ezhegodnik, 1918–1920 gg.* [Statistical Yearbook 1918–1920]: in 2 issues. Moscow: 14-ya gos. tip. Issue 1, part 1. II. *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' v 1918 g.* [Factory industry in 1918]. (In Russ.).
- Bairau D. (1992) *Yanus v laptyakh: krest'yane v russkoi revolyutsii 1905–1917 gg.* [Janus in bast shoes: The peasants in the Russian revolution of 1905–1917 years]. *Voprosy istorii* [Issues of History]. No.1. P. 19–32. (In Russ.).
- Bineman Ya.M. (ed.). (1930) *Trud v SSSR, 1926–1930: spravochnik* [Work in the USSR, 1926–1930: Reference-book]. Moscow: Izd-vo Plankhozgiz. (In Russ.).
- Bol'shakova O.V. (2009) *Russkaya revolyutsiya glazami trekh pokolenii amerikanskikh istorikov* [The Russian revolution through the eyes of three generations of American historians]. In: Shevyrin V.M. (ed.). *1917 god. Rossiya revolyutsionnaya* [1917. The revolutionary Russia]. 2nd ed. Moscow: INION RAN, 2009. P. 6–32. (In Russ.).
- Chernyaev V. Yu. (1994) *Rabochii kontrol' i al'ternativy ego razvitiya v 1917 g.* [Workers' control and alternatives for its development in 1917]. In: Potolov S.I. (ed.). *Rabochie i rossiiskoe obschestvo. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* [The workers and the Russian society: The second half of the 19th –early 20th centuries]. St. Petersburg: Glagol', 1994. P. 164–177. (In Russ.).
- Davies J.C. (1971) *When Men Revolt and Why*. New York: Free Press.
- Figes O.A. (1998) *People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924*. New York: Penguin Books.
- Fogt G. (1990) *Novye aspekty nemarkskitskoi literatury ob Oktyabr'skoi revolyutsii* [New aspects of non-Marxist literature about the October revolution]. In: Sakharov A.N. (ed.). *Istoriya SSSR v sovremennoi zapadnoi nemarkskitskoi istoriografii: Kriticheskii analiz* [History of the Soviet Union in modern Western non-Marxist historiography: A critical analysis]. Moscow: Nauka. P. 24–46. (In Russ.).
- Gladkov I.A. (ed.). (1976a) *Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR* [History of the socialist economy of the USSR]. 7 vols. Moscow: Nauka. Vol. 1. (In Russ.).
- Gladkov I.A. (ed.). (1976b) *Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR* [History of the socialist economy of the USSR]. 7 vols. Moscow: Nauka. Vol. 2. (In Russ.).
- Gor'kii M. (1989) *Sobranie sochinenii* [Works]. 8 vols. Moscow: Sovetskaya Rossiya. Vol. 5. (In Russ.).
- Hook S. (1975) *Revolution, Reform and Social Justice: Studies in the Theory and Practice of Marxism*. New York: New York University Press.
- Isupov V.A. (2000) *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka* [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the twentieth century]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (In Russ.).
- Kaminskii L.S. (1987) *Smertnost' i semeinoe sostoyanie naseleniya* [Mortality and marital status of the population] in: Ryabushkin T.V. (ed.). *Sovetskaya demografiya za 70 let: iz istorii nauki* [Soviet demography for 70 years: history of science]. Moscow: Nauka. P. 229–238. (In Russ.).
- Keep J. (1976) *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*. New York: W. W. Norton & Co.
- Khromov S.S. (ed.). (1982) *Rabochii klass Rossii, 1907—fevral' 1917 g.* [The working class of Russia, 1907—February 1917]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Kir'yanov Yu.I., Volin M.S. (eds.). (1989) *Rabochii klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v.* [The working class of Russia from inception to the early 20th century]. 2nd ed. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Latynina Yu. (1993) *Sobstvennost' est' krazha? (Property is theft?)*. In: Isupov K., Savkin I. (eds.). *Russkaya filosofiya sobstvennosti: XVIII – XX vv.* [Russian philosophy of property: the 18th –20th centuries] St. Petersburg: izd-vo "Ganza". P. 427–444. (In Russ.).
- Laue Th.H. (1964) *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930*. Philadelphia: J.B. Lippincott.
- Lenin V.I. (1962) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. 5th ed.: in 55 vols. Moscow: Politizdat. Vol. 31. (In Russ.).
- Martynov E.I. (2003) *Politika i strategiya* [Policy and strategy]. Moscow: Finansovyi kontrol'. (In Russ.).
- Masionis Dzh. (2004) *Sotsiologiya* (Sociology). 9th ed. St. Petersburg: Piter. (In Russ.).

- McKean R.B. (1990) *Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907-February 1917*. New Haven and London: Yale University Press.
- Mironov B.N. (2012) *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVII – nachalo XX v.* [The well-being of the population and the revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir, 2012. (In Russ.).
- Mironov B.N. (2013) *Strasti po revolyutsii: Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii* [The passion for the revolution: Morals in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. (In Russ.).
- Mironov B.N. (2014) *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity]: in 3 vols. St. Petersburg: Dm. Bulanin, Vol. 1. (In Russ.).
- Mironov B.N. (2015a) – Mironov B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity]: in 3 vols. T. 2. St. Petersburg: Dm. Bulanin. Vol. 2. (In Russ.).
- Mironov B.N. (2015b) – Mironov B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity]: in 3 vols. St. Petersburg: Dm. Bulanin. Vol. 3 (In Russ.).
- Neuberger J. (1993) *Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914*. Berkeley: University of California Press. Epilogue.
- Orchakova L. G. (2008) *Anarkhisty v politicheskoi zhizni Rossii (1903–1928 gg.)* [Anarchists in the political life of Russia (1903–1928)]. Dis. ... dokt. ist. nauk [Dr. Sci., Hist.]. Moscow: MGPU. (In Russ.).
- Paleolog M. (1923) *Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii* [Tsarist Russia before the revolution]. Moscow; Petrograd: Gosizdat. (In Russ.).
- Perrie M. (1987) *Review: The Russian Working Class, 1905–1917. Theory and Society*. Vol. 16. May. No. 3. P. 431–446.
- Piazhe Zh. (Piaget J.) (1986) *Teoriya Piazhe* [Piaget's theory]. In: *Istoriya zarubezhnoi psikhologii (30-e – 60-e gg. XX v.)* [History of foreign psychology (the 30th – 60th years of 20th century)]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. P. 232–292. (In Russ.).
- Potolov S.I. (ed.). (1997) *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii: 1861–fevral' 1917 g.* [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions: 1861–February 1917]. St. Petersburg: Blitz. (In Russ.).
- Pushkareva I.M. (2007) *Vozvrashchenie k zabytoi teme: Massovoe rabochee dvizhenie v nachale XX veka* [A return to a forgotten theme: the mass labor movement in the early 20th century]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. No. 2. P. 101–120. (In Russ.).
- Pushkareva I.M. (2015) *Rabochee dvizhenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (istoriograficheskie zametki)* [The Labor movement in Russia during the First world war (historiographical notes)]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian history]. No. 3. P. 90–105. (In Russ.).
- Pushkareva I.M. (ed.). (2011) *Trudovye konflikty i rabochee dvizhenie v Rossii na rubezhe XIX – XX vekov* [Labor conflicts and workers' movement in Russia at the turn of 19th – 20th centuries]. St. Petersburg: Aleteiya. (In Russ.).
- Ragsdale H. (2003) *Comparative Historiography of the Social History of Revolutions: English, French, and Russian. Journal of the Historical Society*. Vol. 3. Issue 3–4. June. P. 323–372.
- Rozanov V.V. (2001) *Apokalipsis nashogo vremeni* [The Apocalypse of our time]. Saint-Petersburg: Azbuka. (In Russ.).
- Rozenberg U.G. (2014) *Interpretiruya Russkuyu revolyutsiyu* [Interpreting the Russian revolution]. In: E. Akton, U.G. Rozenberg, V. Yu. Chernyaev (eds.). *Kriticheskii slovar' Russkoi revolyutsii. 1914–1921 gg.* [A critical dictionary of the Russian revolution. 1914–1921]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 35–51. (In Russ.).
- Smith S. (1994) *Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism. Europe-Asia Studies*. Vol. 46. No. 4. P. 563–578.
- Sobolev G.L. (1979) *Oktjabr'skaya revolyutsiya v amerikanskoj istoriografii, 1917–1970-e gody* [The October revolution in American historiography, 1917–1970]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Stepanov V.V. (ed.). (1906) *Chislennost' i sostav rabochikh v Rossii na osnovanii dannykh pervoi vseobshchej perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* [The number and composition of workers in Russia on the basis of the first General census of the Russian Empire of 1897]. In 2 vols. Saint-Petersburg: N. L. Nyrkin. Vol. 1 (In Russ.).
- Stepanov V.V. (ed.). *Raspreделение rabochikh i prislugi po gruppam zanyatii i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoi vseobshchej perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 28 yanvara 1897 g.* [The distribution of workers and servants by groups of occupations and place of birth on the basis of the first General census of the Russian Empire produced on 28 January 1897]. Saint-Petersburg: N. L. Nyrkin. (In Russ.).
- Suny R.G. (1994) *Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics. Russian Review*. Vol. 53. April. P. 165–182.
- Troinitsky N. (ed.) (1905) *Obshchii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobshchej perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvara 1897 g.* [The total compendium of results of the first comprehensive census produced on 28 January 1897]. In 2 vols. St. Petersburg: N. L. Nyrkin. Vol. 1. (In Russ.).
- Vishnevskii A.G. (ed.). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii 1900–2000* [Demographic modernization of Russia 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. (In Russ.).
- Vserossiiskaya perepis' (1926) *Vserossiiskaya promyshlennaya i professional'naya perepis' 1918 g.* [All-Russian industrial and occupational census of 1918]. In 2 issues. *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' v period 1913–1918 gg.* [Factory industry during 1913–1918]. Moscow: TsSU. (In Russ.).
- Zimbardo F., Lyaipе M. (2000) *Sotsial'noe vliyaniye* [Social influence]. Saint-Petersburg: Piter.

Received: 27.05.16. Accepted: 04.08.16.